

Научная статья

УДК 004:343.2

doi: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).457-468

ОБ УГОЛОВНОМ НАКАЗАНИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ

Евгений Александрович Русскевич¹

¹ Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, г. Москва, Россия, russkevich@mail.ru

Аннотация. В работе затрагиваются проблемы уголовного наказания и цифровизации, оказывающей модифицирующее воздействие на все сферы общественной жизни. Это влияние испытывает на себе и право. Распространение информационно-коммуникационных технологий является предвестником значимых изменений в институте уголовного наказания. Содержание и возможные результаты процесса цифровизации наказания представляют собой актуальную исследовательскую задачу современной науки уголовного права. Цель исследования состоит в получении новых теоретических знаний относительно перспектив модифицирующего воздействия цифровых технологий на институт уголовного наказания. По итогам исследования получены следующие выводы: 1) в современных условиях можно выделить такие направления трансформации наказания в цифровом обществе, как изменение системы наказаний, цифровизация назначения и исполнения наказания; 2) с учетом развития технологий «больших данных» перспективным видится дополнение уголовного закона новым видом наказания – снижение рейтинга общественной благонадежности; 3) цифровизация создает условия для полноценного внедрения гибридной модели правосудия; 4) создание замкнутого контура информационно-телекоммуникационной инфраструктуры системы исполнения наказания (с встроенным мессенджером, электронной почтой, сервисом видеопосещений, доступом к электронной библиотеке, определенными новостными ресурсами и правовыми системами) представляется наиболее оптимальным решением в деле укрепления доверия к институту наказания в России.

Ключевые слова: уголовное наказание, цифровизация, цифровые наказания, использование цифровых технологий при назначении наказания

Для цитирования

Русскевич Е. А. Об уголовном наказании и цифровизации // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19(1–4), № 3. С. 457–468. DOI: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).3.457-468.

Original article

ON CRIMINAL PUNISHMENT AND DIGITALIZATION

Evgeny Alexandrovich Russkevich¹

¹ Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia, russkevich@mail.ru

Abstract. The paper addresses the problems of criminal punishment and digitalization, which has a modifying effect on all spheres of public life. The spread of information and communication technologies is a harbinger of significant changes in the institution of criminal punishment. The content and possible results of the digitalization of punishment are an urgent research task of the modern science of criminal law. The purpose of the study is to obtain new theoretical knowledge about the prospects of the modifying effect of digital technologies on the institution of criminal punishment. According to the results of the study, the following conclusions were obtained: 1) in modern conditions, it is possible to identify such areas of punishment transformation in a digital society as changing the system of punishments, digitalization of the appointment and execution of punishment; 2) taking into account the development of «big data» technologies, it seems promising to supplement the criminal law with a new type of punishment – a decrease in the rating of public trustworthiness; 3) digitalization creates conditions for the full implementation of a hybrid model Justice; 4) the creation of a closed loop of the information and telecommunications infrastructure of the punishment execution system (with a built-in messenger, e-mail, video visiting service, access to an electronic library, certain news resources and legal systems) seems to be the most optimal solution in strengthening confidence in the institution of punishment in Russia.

Keywords: criminal punishment, digitalization, digital punishments, the use of digital technologies in sentencing

For citation

Russkevich, E. A. 2024, 'On criminal punishment and digitalization', *Penal law*, vol. 19(1–4), iss. 3, pp. 457–468, doi: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).3.457-468.

Введение

Доверие к праву во многом определяется известным выражением «по плодам их узнаете их». В этом отношении доверие к уголовному праву имеет довольно амбивалентный характер. Соглашаясь с неизбежностью и тысячелетней традицией государственного карательного воздействия за совершенные недозволенные деяния, общественность тут же негодует против избыточности уголовных запретов, их неопределенности, использования уголовного закона как инструмента политической борьбы, но самое главное обращает свой перст на закоренелых преступников, как бы вопрошая: «И чего же мы добились, наказывая их?» Нужно признать, что тезис о кризисе уголовного права и необходимости поиска альтернативных способов социального контроля над преступностью во многом связан именно с институтом наказания. Как отмечает Я. И. Гилинский, в настоящее время в большинстве цивилизованных стран осознается «кризис наказания», кризис уголовной политики и уголовной юстиции, кризис полицейского контроля [1, с. 459]. И все же на первом месте кризис наказания.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Плоды уголовной репрессии весьма противоречивы. Без труда можно назвать множество негативных последствий, которые ей сопутствуют: десоциализация осужденных, высокий уровень рецидива, сложная ситуация с соблюдением основных прав и свобод личности в учреждениях, исполняющих наказания. Для полноты картины можно сослаться и на значительные экономические потери общества (прямые и косвенные). По большому счету, единственным, но заглушающим любую критику, аргументом является тезис об отсутствии какой-либо альтернативы. В современных условиях это действительно так. Однако, признавая вынужденную необходимость уголовного наказания, наука не оставляет попыток добиться такого положения, при котором уголовное наказание смогло бы с наибольшей эффективностью и наименьшими издержками решать поставленные перед ним задачи. В этом смысле развитие цифровых технологий предоставляет невиданный ранее шанс на успех.

Закономерны вопросы: на чем основано такое ожидание, что заставляет поверить в перспективу светлого цифрового будущего института наказания? Важно обратить внимание на две особенности. Во-первых, цифровизация позволяет сократить затраты на осуществление деятельности, при этом сделать ее максимально эффективной. Во-вторых, цифровизация снижает риск так называемого человеческого фактора, когда вследствие допущенной ошибки либо имевшего место злоупотребления уничтожается сама возможность достижения общественно полезной цели деятельности. Пожалуй, наиболее ярким примером является система автоматизированного контроля за соблюдением правил дорожного движения. Как известно, такая система не знает усталости и не теряет бдительности. Кроме того, с ней невозможно договориться, повлиять на нее значительностью своего положения и таким образом уклониться от наказания за допущенное нарушение. Ровно то же наблюдается почти во всех случаях, когда человек уступает место аппаратно-программному комплексу, предназначенному для выполнения тех же функций. Традиционно фиксируется более высокая производительность и надежность. Применительно к исследуемой проблеме это зарождает надежду на повышение объективности при назначении наказания и его исполнении, а также на возможное принципиальное сокращение расходов на пенитенциарную систему.

Основное исследование

Структурно можно выделить следующие направления трансформации наказания в цифровом обществе: 1) изменение системы наказаний; 2) цифровизация назначения наказания; 3) цифровизация исполнения наказания.

Изменение системы наказаний

Цифровизация не может не влиять на содержание наказания. Современные информационные системы предоставляют невиданные возможности для того, чтобы обеспечить исполнение установленных судом правоограничений, не прибегая к физической изоляции осужденного. В науке уголовного права уже достаточно давно обсуждаются перспективы изменения традиционной системы наказаний в условиях цифровизации. Одним из возможных новых видов наказания называют электронный надзор. Пожалуй, это своего рода цифровой аналог ограничения свободы. В рамках этого направления обсуждается возможность использования инвазивных технологий, допускающих вживление компьютерных устройств (датчиков) осужденным с их согласия. Отмечается, что такие устройства слежения могут быть имплантированы под кожу на определяемый судом период и смогут не только отслеживать местоположение человека, но и фиксировать его отдельные физиологические признаки, например состояние наркотического

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

опьянения. Так, еще в 2002 г. в Великобритании обсуждался вопрос об использовании хирургически имплантированных устройств для осужденных педофилов [2].

В России системы электронного мониторинга используются в отношении осужденных к ограничению свободы, а также подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. В литературе справедливо отмечается, что с 2015 г. наблюдается последовательное снижение применения электронного мониторинга к осужденным. При этом основная масса электронных браслетов задействована при осуществлении домашнего ареста [1, с. 562]. Объяснение такой тенденции, пожалуй, кроется в недостаточном финансировании.

Утверждать, что электронный надзор сводится лишь к слежению за передвижением осужденного, некорректно. В действительности он может предполагать гораздо больше. Кроме слежения за физическим передвижением осужденного, такая система может фиксировать его контакты с иными лицами, выявлять употребление запрещенных веществ и даже обеспечивать запрет на использование средств связи (при наличии функции, позволяющей устанавливать помехи в определенном радиусе действия). В зарубежной литературе высказывалось мнение о том, что использование электронного надзора в качестве наказания противоречит ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах в части запрета на применение жестокого и бесчеловечного наказания [3]. Исследователи, обосновывают данный тезис тем, что цифровой контроль является тотальным и уничтожает право человека на частную жизнь, хотя и в ограниченных пределах. При этом еще в самых первых исследованиях приводятся сведения о том, что лица, в отношении которых применялся режим электронного контроля при домашнем аресте, ссылаются на его изнурительный с психологической точки зрения характер [4].

Нет никаких сомнений в том, что на пути к закреплению электронного надзора в отечественной системе наказаний потребуются решить ряд непростых вопросов, в том числе в этической сфере. Можно также предположить, что электронный надзор по степени своего карательного воздействия должен восприниматься как альтернатива реальному лишению свободы с той лишь разницей, что осужденный находится не за физическими стенами исправительного учреждения, а за стенами цифровыми, надежно отделяющими его от внешнего мира в границах, установленных решением суда.

Нельзя не признать, что при очевидных преимуществах цифровизации этот процесс сам по себе сопряжен с дополнительными трудностями и угрозами. Введение цифровых видов наказания потребует не только финансовых затрат, но и соответствующего кадрового обеспечения, способного поддерживать работоспособность системы, в том числе ее защиту от вредоносного воздействия.

Виртуализация жизнедеятельности сопровождается возникновением и усилением роли так называемых цифровых прав и свобод личности, что закономерно ставит вопрос о перспективах уголовной репрессии, и в этом смысле появление новых видов наказания, направленных на их ограничение, выступает как закономерный этап эволюционного развития права в цифровую эпоху. В. Ф. Джафарли образно выражает это как проблему экзистенциальной потребности современного человека в Интернете, формирование такого типа личности, как *Homoinformaticus*. Лишая такого субъекта доступа к сети Интернет, мы подвергаем его наказанию и вместе с тем предупреждаем совершение новых киберпреступлений [5, с. 144].

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Осознавая необходимость ограничения цифрового присутствия лица, признанного виновным в совершении преступления с использованием информационно-коммуникационных технологий, российские суды в рамках действующей системы наказаний пытаются решить данную проблему путем применения положений ст. 47 УК РФ. При этом суды, применяя один и тот же вид наказания, устанавливают для осужденного принципиально разные по характеру репрессивного воздействия ограничения: от запрета распространения информации в общедоступных сетях до запрета на само использование таких сетей. В условиях интенсивной цифровизации жизнедеятельности и, как следствие, преступности отечественная система наказаний должна быть дополнена специальным наказанием, заключающимся в ограничении права на цифровое присутствие в сети Интернет. Содержание такого ограничения, а равно его пределы с учетом тяжести совершенного лицом преступления должны быть четко определены непосредственного в уголовном законе [6, с. 124–131].

Значительный интерес представляет прогнозирование эволюции уголовного наказания в аспекте развития и внедрения технологий «больших данных» (big data). Желаем мы того или нет, но цифровой мир характеризуется беспрецедентным усилением контроля над отдельной личностью. Судя по всему, этот процесс следует принять как неизбежность. Еще несколько лет назад мы не могли себе представить, что безопасность дорожного движения в основном будет обеспечиваться автоматизированными системами фиксации нарушений, а значительное количество преступлений будет раскрываться благодаря цифровым следам, оставленным злоумышленниками. Сервисы электронного правительства, кредитно-финансовый сектор, интернет-провайдеры, операторы мобильной связи, социальные сети и многочисленные мобильные приложения ежедневно собирают сведения об отдельном пользователе, формируя тем самым не только образ его цифрового присутствия, но и некое досье на лицо в реальном мире (законопослушность, потребительское поведение, круг общения, интересы и др.). Логично, что с течением времени особую значимость приобрел вопрос об использовании соответствующих данных в процессе государственного контроля и управления. Наиболее известным примером использования технологий анализа «больших данных» в осуществлении публично-властного контроля является китайская система социального кредита.

Китайский эксперимент был воспринят неоднозначно. Данный проект называют цифровой диктатурой XXI в., а саму модель селекции граждан на благонадежных и с низкой степенью надежности сравнивают с фашизмом. Полагаем, что отношение к использованию технологий «больших данных» в осуществлении государственного контроля и управления может быть сдержанным. С одной стороны, такой рейтинг основывается на оценке внешнего (социального) поведения лица, не посягает на неприкосновенность его частной жизни и не умаляет фундаментальных международно-правовых гарантий правового статуса личности. С другой стороны, «большие данные» сами по себе не имеют тоталитарного подтекста, а являются одним из проявлений гиперподключенного цифрового общества, членами которого мы уже все являемся. Государственные структуры не смогут (и вряд ли должны) игнорировать их потенциал в решении актуальных задач социального контроля.

Если допустить (для того, как видим, есть веские основания), что в ближайшем будущем цифровой рейтинг общественной благонадежности найдет свое воплощение в России, перспективным видится дополнение уголовного закона новым видом наказания – снижение рейтинга общественной благонадежности. Очевидно, что эта форма

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

уголовной репрессии имеет много общего с такими традиционными видами уголовного наказания, как лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, а также ограничение свободы. Понижение лица в рейтинге общественной благонадежности фактически представляет собой одномоментное общее ограничение субъекта в правоспособности, если данный вид наказания имеет срочный характер и предполагает установление конкретных ограничений в отношении осужденного. С учетом всеобъемлющего характера такого ограничения полагаем, что понижение лица в рейтинге общественной благонадежности (например, на одну, две, три категории) будет представлять собой более строгое наказание, чем лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, а также ограничение свободы.

Цифровизация назначения наказания

Когда обсуждаются вопросы назначения наказания в аспекте развития цифровых технологий, как правило, наблюдается несогласие в том, что компьютерный код никогда не сможет принять решение о наказании с учетом совокупности обстоятельств, касающихся прежде всего личности виновного. Программа не сможет учесть поведение подсудимого в процессе, степень его раскаяния, мольбы родственников о снисхождении, иными словами, саму «атмосферу» слушания по делу [7]. В данном случае используется аргумент о неспособности искусственного интеллекта к эмпатии. Однако необходимо понять, правильно ли требовать субъективно-эмоционального отношения суда, не вредит ли это правосудию? Дать однозначный ответ нельзя. С одной стороны, важно, чтобы решение о наказании лица было индивидуальным. В литературе справедливо подчеркивается, что правовая сфера – одна из труднейших для цифровизации, поскольку эта область практически полностью построена на ценностной основе. Понятия справедливости, достоинства, ценности человеческой жизни, благополучия, морального ущерба представляют собой сложнейшие комплексы философских смыслов и идей [8, с. 43].

Вместе с тем, и с этим сложно поспорить, от суда прежде всего ждут неукоснительного соблюдения законности, решения, опирающегося на нормативное основание. В этом смысле хладнокровность цифрового правосудия должна восприниматься как неоспоримое преимущество, как абсолютная защита от произвола и некомпетентности.

Проблема использования цифровых технологий при назначении уголовного наказания вышла за пределы теоретического дискурса и уже имеет конкретные примеры практического воплощения. Так, в 2017 г. по инициативе Министерства юстиции Франции два апелляционных суда в городах Ренн и Дуэ согласились протестировать программное обеспечение прогнозирования судебных процессов, представляющее собой анализ решений по гражданским делам, вынесенным всеми французскими апелляционными судами. Заявленная цель работы программного обеспечения заключалась в создании инструмента для уменьшения расхождений в принимаемых судами решений. В результате эксперимента Министерство юстиции и юридическая технологическая компания-разработчик констатировали «отсутствие добавленной стоимости протестированной версии программного обеспечения для осуществления работы по анализу и принятию решения судьями»¹. Иными словами, система оказалась неэффективной, подготавливаемые решения были плохо аргументированы, временами просто ошибочны и требовали глубокой переработки со стороны судьи-человека.

¹ См.: URL: <https://www.leparisien.fr/faits-divers/des-robots-testes-a-la-place-des-juges-dans-les-cours-d-appel-de-rennes-et-douai-30-10-2017-7362198.php> (дата обращения: 17.01.2024).

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

15 февраля 2019 г. на заседании Международного криминологического клуба в Санкт-Петербурге была представлена система автоматизированного назначения уголовного наказания Х. Д. Аликперова. По заявлениям разработчика программы, вероятность вынесения справедливого решения составляет 97–99 %¹. Нужно признать, что это слишком оптимистичные цифры. Кроме того, судя по всему, программа обеспечивает лишь решение, которое соответствует определенной статистической выборке. Понятно, что само по себе это не свидетельствует о справедливости приговора.

В декабре 2018 г. была принята Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах. Это первый международный документ, регулирующий применение искусственного интеллекта в судопроизводстве. Хартия определила основные принципы использования искусственного интеллекта в судебных системах: соблюдение основных прав, недискриминации, качества и безопасности, прозрачности, беспристрастности и достоверности, контроля пользователем. В своей совокупности эти принципы создают предпосылки для качественного регулирования соответствующей сферы с учетом интересов всех участников.

В Хартии дана довольно осторожная оценка использования искусственного интеллекта в уголовных делах для подготовки предварительного судебного решения. В документе подчеркивается, что лишь статистическая обработка данных по лексическим группам позволяет выявить частоту употребления отдельных конструкций, но не определяет реальные причины принятия решения, поскольку не проводит юридического анализа. Системы, основанные на построении математических моделей, которые должны представлять различные аргументы судей, не являются более эффективными, поскольку они остаются ограничены необъективностью выборки обрабатываемых ими данных и должны быть полностью переписаны при изменении закона или судебной практики².

Наиболее перспективной является гибридная модель правосудия, которая смогла бы сочетать достижения цифровизации с сохранением традиционных гарантий на проведение всестороннего слушания по делу с участием судьи-человека. В такой модели автоматизированные системы могли бы быть использованы в двух формах. Первая – инструмент, с помощью которого суд подготавливает и принимает окончательное решение о назначении наказания. В этом плане изнурительная работа по учету многих обстоятельств дела, практики и рекомендаций вышестоящих судов, а также отдельных статистических показателей и закономерностей могла бы быть передана программе. Судья получал бы в графическом виде данные, сопровождаемые рекомендацией о конкретном наказании для подсудимого. Вторая – полноценная альтернатива судьи по определенной категории дел и при согласии подсудимого с предъявленным обвинением. На наш взгляд, жизнеспособность такого ускоренного судопроизводства в цифровой форме должна быть обеспечена гарантией отмены вынесенного программой решения по жалобе осужденного с направлением дела на новое рассмотрение в общем порядке. Кроме того, законодательно необходимо обеспечить такое же ограничение по назначению наказания, как это имеет место в настоящее время применительно к особому порядку судебного разбирательства (ч. 7 ст. 316 УПК РФ).

¹ См.: URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/the-last-sessions/356-2019-02-26-20-10-22> (дата обращения: 10.02.2024).

² См.: URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (дата обращения: 21.01.2024).

Цифровизация исполнения наказания

В литературе справедливо отмечается, что уголовно-исполнительная система России не может оставаться в цифровой изоляции. Принимая во внимание, что тысячи осужденных отбывают наказание в виде лишения свободы в регионах, недоступных для посещения близкими, считаем, что назрела необходимость в обеспечении их доступа к современным информационно-коммуникационным технологиям [9, с. 625–626]. Подобные инициативы, на наш взгляд, должны получить всеобщую поддержку и по возможности скорейшую реализацию.

Из отчетов по проектам, связанным с внедрением информационно-коммуникационной инфраструктуры в деятельность исправительных учреждений, следует, что подавляющее большинство (75 %) респондентов заявили, что видеозвонки позволяют чаще общаться с заключенным. При этом все респонденты выразили убеждение в том, что регулярный видеокontakt со своими близкими уменьшает страдания заключенного. Подавляющее большинство (93 %) согласилось с тем, что видеозвонки укрепляют намерение заключенного на более раннее освобождение, чтобы воссоединиться с семьей. Отмечается также, что в видеозвонках заключенный может наблюдать физическую среду своих близких (домашних животных, детали интерьера и т. п.). Это создает большую близость, укрепляет чувство принадлежности к семье, что благотворно влияет на исправление осужденного и его ресоциализацию¹.

В марте 2021 г. в рамках проекта «Smart Prison» в женской тюрьме Хямеэнлинна (Финляндия) в каждой из ста тюремных камер были установлены специальные компьютеры, которые заключенные могли использовать для общения как внутри тюрьмы, так и за ее пределами. В конце 2021 г. был проведен опрос сотрудников и заключенных о пользовательском опыте с этой системой (PriSec). Исследование показало, что наибольшую востребованность имели электронные и аудиокниги, а также видеопосещения близких. В период пандемии COVID-19 система широкого использовалась для видеопосещений при проведении занятий с заключенными, поскольку физические контакты были ограничены. Сообщается также о положительном опыте использования VR-технологий в качестве инструмента для оказания реабилитационной и психологической помощи заключенным².

В современных условиях довольно сомнительным представляется тренд на дальнейшую борьбу с использованием объектов информационно-телекоммуникационной связи в исправительных учреждениях пенитенциарной системы. Как известно, реальное положение дел характеризуется широкой распространенностью мобильных устройств среди российских осужденных. Все это способствует коррупции в исправительных учреждениях, а также росту совершения осужденными отдельных преступлений дистанционным способом. Кроме того, важно обратить внимание и на сугубо информационный аспект проблемы. В современных условиях доступ к сети Интернет означает доступ к социально значимой информации, в том числе юридической. Уместно сослаться на решение Европейского суда по правам человека по делу «Калда против Эстонии», в котором суд признал, что в отдельных случаях ограничение доступа к сети Интернет является нарушением ст. 10 Конвенции по правам человека. Как следует из материалов

¹ См.: URL: <https://justice-trends.press/video-calling-a-new-communications-standard-in-prisons/> (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: URL: <https://justice-trends.press/smart-prison-from-prison-digitalisation-to-prison-using-learning-and-training-artificial-intelligence> (дата обращения: 14.01.2024).

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

дела, Калда намеревался ознакомиться с отдельными юридическими документами и определениями судов, доступ к которым в бумажном виде был невозможен¹.

Следует с удовлетворением отметить, что в России уже реализуются процессы, связанные с цифровой трансформацией исполнения наказания. Так, в отдельных исправительных учреждениях установлены специальные терминалы для видеосвиданий. По данным ФСИН России, в 2021 г. видеопосещения были очень востребованы среди лиц, отбывающих наказание, ими было совершено почти 24 000 видеозвонков, это в несколько раз больше, чем в 2020 г.² С 2010 г. ООО «Защищенные телекоммуникации» в тесном сотрудничестве с учреждениями уголовно-исполнительной системы России запущен проект телефонизации учреждений закрытого типа под маркой «Зонателеком». На официальном сайте организации сообщается, что сейчас сеть «Зонателеком» – это развитая специальная виртуальная сеть для оказания телекоммуникационных услуг на территории всей Российской Федерации. В рамках проекта оказываются услуги четырех видов: аудиопереговоры, видеопереговоры, электронная переписка и перевод денежных средств на лицевой счет осужденного³.

Таким образом, создание замкнутого контура информационно-телекоммуникационной инфраструктуры системы исполнения наказания (с встроенным мессенджером, электронной почтой, сервисом видеопосещений, доступом к электронной библиотеке, определенными новостными ресурсами и правовыми системами) представляется наиболее оптимальным решением в укреплении доверия к институту наказания в России. Данный подход находит все большую поддержку среди специалистов [10, с. 45].

Другим направлением является внедрение современных информационно-коммуникационных технологий с элементами искусственного интеллекта для контроля за исполнением отдельных видов наказания. Эффективное использование таких технологий для замены процессов, которые сегодня выполняются вручную будет способствовать объективности надзора за осужденными, снижению коррупционных рисков, а также экономии бюджетных средств. Например, внедрение интеллектуальных систем в деятельность учреждений, исполняющих наказания, позволило бы автоматизировать фиксацию допущенных осужденными нарушений установленного порядка отбывания наказания (мелкое хулиганство, хранение запрещенных предметов и др.). Программа в режиме реального времени определяла бы личность осужденного (в системах распознавания лиц и идентификации личности в настоящее время достигнута эффективность в 99,97 %), время, место и характер допущенного нарушения, формировала на этой основе соответствующий документ и направляла для непосредственного исполнения должностному лицу. Равным образом интеллектуальная система позволила бы в автоматизированном режиме принимать решения о применении мер поощрения к осужденным, характеризующимся хорошим поведением, добросовестным отношением к труду и обучению.

Подобный проект в настоящее время уже реализуется отдельными инновационными компаниями, специализирующимися на создании решений для пенитенциарной системы. В качестве примера можно привести HORUS 360 IOMS – проект, направленный

¹ См.: URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-160270%22%5D%7D> (дата обращения: 05.02.2024).

² См.: URL: https://fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=610515&sphrase_id=1786531 (дата обращения: 10.02.2024).

³ См.: URL: <https://www.zonatelecom.ru/company/about> (дата обращения: 10.02.2024).

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

на получение аппаратно-программного комплекса, который позволил бы накапливать и обрабатывать информацию о «жизненном цикле заключения под стражей». Проект разрабатывается при поддержке Европейского социального фонда, объем финансирования – 1 606 836,74 €¹.

Предупреждая возможные упреки в оторванности отдельных выводов и рекомендаций от объективной действительности, отметим, что цифровая стратегия развития института наказания должна опираться на экономически доступные средства ее реализации. Само по себе это не отменяет того, чтобы научное и экспертное сообщество подготавливало условия для будущих изменений. Прогностическая задача науки – выявление путей оптимального перехода к новой регуляторной основе цифрового права [11, с. 21].

Выводы

Нет сомнений относительно модифицирующего влияния цифровизации на институт уголовного наказания. Многие перемены произойдут не завтра, но они осуществляются. Появление в XXI в. новых видов наказания, основывающихся на технологиях «больших данных» (big data), с высокой вероятностью позволит значимо снизить практику применения наказания в виде лишения свободы. Использование искусственного интеллекта при назначении наказания в настоящее время представляется, скорее, как перспективная задача. Вместе с тем внедрение и использование цифровых решений, в том числе основанных на нейросетях, может способствовать недостижимой для антропоморфного правосудия объективности. В цифровом обществе XXI в. нет места пенитенциарной системе, которая построена и функционирует в модели XIX в. Технологии должны быть прочно включены в механизм исполнения наказания, обеспечивать не только предусмотренные конкретным режимом ограничения, но и необходимую транспарентность, соблюдение прав и свобод личности, способствовать исправлению осужденного и предупреждать риск десоциализации.

Список источников

1. Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс : в 10 т. / под ред. Н. А. Лопашенко. М. : Юрлитинформ, 2021. Т. 1 : Понятие, цели уголовного наказания. Система уголовного наказания. Кн. 2 : Цели, система и эффективность уголовного наказания. 760 с.
2. Bright, M. 2002, 'Surgical Tags Plan for Sex Offenders', The Guardian, 2002, 17 November, viewed 11 December 2023, <http://society.guardian.co.uk/children/story/0,1074,842393,00.html>.
3. Smith, R. G. 2007, 'Crime Control in the Digital Age: An exploration of Human Rights Implications', International Journal of Cyber Criminology, iss 1(2), pp. 167–179.
4. Fox, R. G. 1987, 'Dr Schwitzgebel's Machine Revisited: Electronic Monitoring of Offenders', Australian and New Zealand Journal of Criminology, iss. 20(3), pp. 131–147.
5. Криминология кибербезопасности : в 5 т. / под ред. С. Я. Лебедева. М. : Проспект, 2021. Т. 2 : Уголовно-правовое обеспечение криминологической кибербезопасности. 280 с.
6. Русскевич Е. А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2022. 351 с.
7. Лапшин В. Ф. Назначение уголовного наказания компьютерной программой: правовая инновация или деградация? // Пенитенциарная наука. 2020. № 14(2). С. 192–198.

¹ См.: URL: <https://prisonsystems.eu/horus-360-ioms/> (дата обращения: 05.02.2024).

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

8. Гаспарян Д. Э., Стырин Е. М. Прикладные проблемы внедрения этики искусственного интеллекта в России: отраслевой анализ и судебная система. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2020. 112 с.

9. Жестеров П. В. Четвертая промышленная революция: трансформация содержания уголовной репрессии // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. М. : РГ-Пресс, 2018. С. 623–626.

10. Серебренникова А. В. Цифровизация исполнения наказания: состояние и перспективы // Человек: преступление и наказание. 2021. Т. 29 (1-4), № 1. С. 40–45.

11. Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2021. 640 с.

References

1. Lopashenko, N. A. (ed.) 2021, *Criminal Law. The general part. Punishment. Academic course*, in 10 vols, vol. 1, *The concept, goals of criminal punishment. The system of criminal punishment*, book 2, *Goals, system and effectiveness of criminal punishment*, Yurlitinform, Moscow.

2. Bright, M. 2002, 'Surgical Tags Plan for Sex Offenders', *The Guardian*, 2002, 17 November, viewed 11 December 2023, <http://society.guardian.co.uk/children/story/0,1074,842393,00.html>.

3. Smith, R. G. 2007, 'Crime Control in the Digital Age: An exploration of Human Rights Implications', *International Journal of Cyber Criminology*, iss 1(2), pp. 167–179.

4. Fox, R. G. 1987, 'Dr Schwitzgebel's Machine Revisited: Electronic Monitoring of Offenders', *Australian and New Zealand Journal of Criminology*, iss. 20(3), pp. 131–147.

5. Lebedev, S. Ya. 2021, *Criminology of cybersecurity*, in 5 vols, vol. 2, *Criminal law support of criminological cybersecurity*, Prospekt, Moscow.

6. Ruskevich, E. A. 2022, *Criminal law and "digital crime": problems and solutions: monograph*, 2nd edn, INFRA-M, Moscow.

7. Lapshin, V. F. 2020, 'The imposition of criminal punishment by a computer program: legal innovation or degradation?', *Penitentiary Science*, iss. 14(2), pp. 192–198.

8. Gasparyan, D. E. & Styryin, E. M. 2020, Applied problems of implementing the ethics of artificial intelligence in Russia: industry analysis and the judicial system, *Publishing House of the Higher School of Economics*, Moscow.

9. Gesterov, P. V. 2018, 'The Fourth Industrial Revolution: the transformation of the content of criminal repression', in *Criminal Law: Development Strategy in the XXI century: proceedings of the XV International Scientific and Practical Conference*, pp. 623–626, RG-Press, Moscow.

10. Serebrennikova, A.V. 2021, 'Digitalization of the execution of punishment: state and prospects', *Man: crime and punishment*, vol. 29 (1-4), iss. 1, pp. 40–45.

11. Blazheev, V. V. & Egorova, M. A. (eds) 2021, *Digital Law: textbook*, Prospekt, Moscow.

Информация об авторе

Е. А. Рускевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права.

Information about the author

E. A. Russkevich – Sc.D (Law), Associate Professor, professor of the criminal law department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 15.07.2024; одобрена после рецензирования 05.09.2024; принята к публикации 25.09.2024.

The article was submitted 15.07.2024; approved after reviewing 05.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.